

2 октября 2013г. состоялось заседание Совета по культуре при Президенте России.

Приводим выдержки из выступлений, посвящённые вопросам сохранения культурного наследия. К сожалению, этим вопросам в этом году было уделено крайне мало внимания (не будем здесь останавливаться на вопросе, почему?)

С.ГОВОРУХИН

В России 130 тысяч памятников, подавляющее большинство их находится в совершенно разрушенном состоянии. Пора уже, мне кажется, разрешить льготную аренду и приватизацию. Если человек берётся восстановить памятник, охранять его и следить за ним, нельзя нагружать его огромными финансовыми обязательствами.

□

К.МИХАЙЛОВ:

Я попросил слова, потому что мне кажется, что весьма неправильно и несправедливо было бы, если бы за этим столом в преддверии Года культуры не была бы затронута и обсуждена одна важная тема – тема сохранения культурного наследия нашей страны.

Владимир Владимирович, Вы начали своё выступление здесь с определения культуры как свода базовых ценностей, которые позволяют нам сохранять свою идентичность. Если мы сейчас все поднимем глаза кверху и оценим другое значение слова «свод», то в этом смысле Ваше определение тоже работает, и очень хорошо работает.

Это вот тот свод культуры и культурное наследие, которое нас на протяжении всей нашей жизни осеняет, защищает и даёт какую-то систему координат. И у этого свода

есть столпы, есть фундаменты, есть основания, это и есть культурное наследие, как духовное, так и материальное. И когда со столпами или с фундаментами что-то не в порядке, то, к сожалению, свод начинает шататься, а иногда и рушиться. Наша общая задача, чтобы не допустить даже мысли об этом.

Это не просто фигура речи. Я вот много изучал историю бытования, наследия и памятников архитектуры, и государственной политики в этом отношении в XX веке в нашей стране. И пришёл к такому выводу, что наиболее мощный импульс государственной политики и поддержки был дан, как ни странно, в конце, во второй половине 40-х годов, сразу после Великой Отечественной войны.

Тогда было выпущено соответствующее постановление, инструкции, тратились сотни тысяч и миллионы рублей, и началось восстановление пострадавших во время войны памятников, соборов, дворцов в ленинградских пригородах, храмов, монастырей, крепостей. Это происходило в стране, которая... ещё половина её лежала в руинах, люди жили в землянках часто. Не хватало на самые элементарные нужды. А вот это происходило.

И вот то, чем мы сейчас любимся и чем любят миллионы туристов, это вот заслуга и плод работы послевоенных реставраторов, иначе этого вообще бы не было. Что это было? Это была какая-то блажь, неожиданный всплеск? Или государство тогда понимало значение вот этих вот столпов, фундаментов и оснований, чтобы свод не падал нашей культуры и нашей государственности? Я думаю, что второе. Но это такой исторический отклик.

Я хочу поделиться очень кратко. Я в этом году летом был в крохотном, с населением четыре тысячи жителей всего, городке Чердыни. Это в Пермском крае, в 300 километрах на север от Перми, за двумя большими реками. Вот я там пробыл два часа и понял, что меня удивило до глубины души.

Город весь построен из старинных домов до сих пор. И все они находятся какие в отличном, а какие в очень хорошем состоянии. Никаких следов разрухи, пожаров застарелых, как это можно встретить в десятках городов и в Москве, к сожалению, никаких котлованов...

Я стал спрашивать, специально у нас была встреча с руководителями города и района, я стал спрашивать: «Что у вас здесь за культурная аномалия такая? Почему всё так хорошо, что глазам не верится?» И они совершенно всерьёз ответили мне, что это у нас осознанная политика, это наш практически единственный ресурс развития сейчас – наследие, туризм, связанный с историческим наследием, с природными ресурсами и прочим.

Сплав по рекам, на которых жили эти края, леса уже запрещён. Контингент трудоспособных людей, которые в эти края прибывали, скажем так, не по своей воле, тоже значительно сократился. И вдруг люди поняли, что наследие и природа – это факторы развития. Вот на уровне маленького городка Чердынь это осознано. Есть и другие такие городки в России, только это пока никак не собрано в общую систему.

А почему я об этом вспомнил? Мы же, собственно, живём во время стратегического начавшегося уже планирования самых различных отраслей развития нашей страны. У нас есть стратегически рассчитанные до 20-го, 30-го и даже далее годов программы развития энергетики, военного строительства, других важных отраслей. Культура сейчас создается. Мне кажется, что сфера наследия, она тоже заслуживает такого государственного стратегического программирования.

Что такое будет культурное наследие через 20 лет в России, через 30? Будет ли это вот такая, как сейчас, сфера жизни, в которой мы, те, кто этим занимается, подсчитываем постоянно какой-то баланс убытков и приобретений и взвешиваем, чего нам не удалось удержать, что удалось?

Или это будет полноценная отрасль народного хозяйства, извините за эти казённые немного слова, в которую собраны и стратегически, и организационно несколько сотен тысяч, а то и миллионов людей, которые живут этим, не только восстанавливают, изучают, а ещё используют это. То есть это сфера туризма, это сфера создания новых рабочих мест.

Мы будем подсчитывать, не как сейчас, наверное, в Министерстве финансов, сколько потрачено в эту сферу с неизвестными последствиями, мы будем подсчитывать и уже будем знать, что каждый рубль, вложенный в сферу охраны наследия, даёт чёткую отдачу и в сфере создания новых рабочих мест, и в сфере притяжения инвестиций и так далее. Конечно же, мы к этому должны стремиться. Я думаю, что второй вариант здесь

беспрюганный и мы к этому, я уверен, обязательно дойдём, иначе мы просто наследие потеряем.

Другое дело, что это надо сохранить, пока мы этот путь проходим, сохранить не только в ожидании будущих доходов от культурного туризма, но и сохранить из-за того, что это действительно наша цивилизация, отпечатанная в камне, в дереве, в ландшафтах. Как только мы расстаёмся с чем-то аутентичным и родным, это неизбежно заменяется чем-то таким, пришедшим из мира глобализации, как принято говорить, и уже совершенно не нашим. Мы не должны ради каких-то иногда сиюминутных жертв, сиюминутных интересов, девелоперов коммерческих или даже интересов властей этому жертвовать.

Поэтому у меня уже в порядке предложений, которые, может быть, заслужат хотя бы частично войти в список поручений по итогам нашего заседания или быть реализованными в ходе развития Года культуры, у меня есть несколько предложений по сохранению.

Во-первых, Владимир Владимирович, существует правительственное постановление о зонах охраны объектов культурного наследия, подписанное Вами же ещё несколько лет назад. Это был очень важный и очень нужный документ, которого долго наша сфера дождалась. Он работает сейчас.

Было бы прекрасно, я думаю, если бы мы смогли его дополнить одним простым пунктом, что в этих зонах охраны, в охранных зонах, где необходимо обеспечивать сохранение памятников в их подлинном историческом окружении и не изменять исторических видов, просто запретить снос исторических старинных зданий вне зависимости от их статуса.

Такое предложение работает на уровне законодательства регионов. В Санкт-Петербурге, например, есть такой городской закон, который просто запрещает снос старинных зданий, за исключением случаев необратимой аварийности, и санкт-петербургским коллегам уже гораздо легче охранять вид исторического города в целом, а не только отдельных памятников.

Второе, о чём я хотел сказать, это то, что необходимо как-то теснее соединить усилия государства и общества в деле охраны этого наследия. Есть огромное количество

решений, которые принимаются людьми, но, к сожалению, может быть, не очень компетентными, может быть, не очень знающими. Это из нашей обычной, практически еженедельной практики.

Когда я вижу, что начинают благоустраивать детский парк на востоке Москвы и из земли показываются надгробия и захоронения героев войны ещё 1812 года, не говоря уже об участниках войны Первой мировой, то это значит, это решение туда послать экскаватор и бульдозер было принято людьми, которые не подозревают, что этот парк – бывшая территория воинского Семёновского кладбища, например. Там это было остановлено кое-как, но это было уже постфактум.

Или, например, когда я недавно заходил в один там же, в Сокольниках есть воинский храм, недавно восстановленный, храм Благовещения при сапёрном батальоне, там батюшка вместе с прихожанами благоустраивает вокруг сквер и делает, пытается создать монумент героям Первой мировой войны.

Без всякой государственной помощи, на средства, что называется, приходского общества и военных людей, которые в этот храм ходят, они создают этот монумент и благоустраивают сквер. А рядом, через улицу, ломают военный городок начала XX века экскаватором, где эти самые герои Первой мировой войны жили и воспитывались. Кто опять-таки принял такое решение? Мы тоже его пока затормозили, но неизвестно, что будет дальше.

К чему я это говорю? К тому, что опять же на северо-западе почему-то нашей страны, в Санкт-Петербурге, в Петрозаводске, в Вологде, в Великом Новгороде, сложилась очень хорошая, на мой взгляд, практика городских и областных, региональных, в общем, советов по охране культурного наследия, в которых собраны и представители общественности, и лучшие эксперты.

Через эти советы заранее пропускаются проекты всех важных градостроительных решений и решений, связанных с памятниками. И нашим коллегам опять-таки, когда есть немного времени подумать и есть атмосфера мозгового штурма, всегда можно найти способ решения удовлетворить современные нужды, будь то нужды города или нужды девелопера, и при этом остаться в правовом поле и сохранить исторический облик городов и районов.

Вот эту практику, на мой взгляд, надо распространить на все исторические города, где есть большое количество объектов культурного наследия, в первую очередь на Москву. Мы уже более трёх лет добиваемся от городских властей создания такого совета в Москве, но не находим понимания. Мне понятно, почему.

Такой совет не нужен, он будет мешать делать какие-то вещи без особых затруднений. Но это он властям не нужен, а городу он необходим, иначе мы будем постоянно разгребать такие истории, как надгробия, которые приходится доставать из бульдозерного ковша, или это разрушение памятников архитектуры под видом их реставрации и тому подобное.

Я уже заканчиваю, и последнее, самое главное, о чём я хотел сказать. На самом деле для государства, по-моему, принципиально важно вот именно в этой сфере, в сфере охраны культурного наследия, есть огромное количество людей, общественных представителей, которые готовы совершенно бескорыстно этому делу служить – сохранению – в самых разных формах: от тщательного изучения архивов и подоснов, от путешествий по дальним регионам в поисках остатков этих памятников до бросания под бульдозеры.

И большой ошибкой государства было бы этих людей оттолкнуть: сделать вид, что «давайте мы будем всё делать сами, а вы просто смотрите». Это приводит только к конфликтам. Надо налаживать это общественно-государственное партнёрство. Тогда мы и наследие спасём, и наши культурные своды не рухнут.

В.В.Путин

Что касается восстановления памятников культуры, то, конечно, это очень важно. После Великой Отечественной войны, когда восстанавливались Павловск, Пушкин, Петродворец, тогда тоже говорили, что этого совершенно недостаточно, что если мы, тогда говорили, не восстановим ещё это, это и это, это будет утрачено на века. Но, наверное, так и произошло по некоторым объектам.

Но то, что вот вы предлагаете, что Константин Петрович предложил, по поводу сохранения среды, в том числе и в Москве... Действительно, в Ленинграде ещё были приняты соответствующие решения, в Москве их, может быть, недостаточно, но я с Сергеем Семёновичем переговорю, и мы постараемся вернуться к этому вопросу.